

О. В. Меркушева¹, Е. А. Исаев¹, М. В. Попова² (г. Воронеж, Россия)

*¹ Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского
и Ю. А. Гагарина*

*² Воронежский государственный университет инженерных
технологий*

Проза А. И. Солженицына как литературное завещание потомкам

Актуальность работы обусловлена необходимостью более глубокого и разнопланового изучения творческого наследия А. И. Солженицына. В статье предпринята попытка анализа авторской гуманистической концепции писателя в культурно-историческом аспекте.

Ключевые слова: «возвращенная» русская литература, нравственность, христианская мораль, авторская эстетика

11 декабря 2018 года исполнилось 100 лет со дня рождения Александра Исаевича Солженицына, автора произведений «возвращенной» русской литературы. Несмотря на ошеломительный успех и неподдельный интерес рядового читателя, отношение к Солженицыну в российском обществе до сих пор неоднозначное. Однако каждое субъективное мнение имеет право на существование. А что мы, собственно, знаем о Солженицыне как о человеке и о писателе? Биография писателя вместила в себя Великую Отечественную войну и лагеря, Нобелевскую премию и политические преследования, завершившиеся изгнанием из Советского Союза. Долгие годы, проведенные в эмиграции, не разорвали связи писателя с родиной. После возвращения в Москву он сразу включился в общественную жизнь новой России, размышляя о ее судьбе и историческом предназначении. Не стараясь угодить власть имущим, он много раз вызывал на себя огонь критики справа и слева, но сохранил высокий моральный авторитет и заслужил звание живого классика современной русской литературы. Для творческого метода Солженицына характерно особое доверие к жизни. Писатель стремился к исторической достоверности. По его мнению, жизнь может сама себя выразить, о себе сказать, надо только ее услышать. В выступлении по случаю присуждения ему Нобелевской премии писатель подчеркивал: «Одно слово правды весь мир перетянет» [5, с. 95]. Стремление писателя к правдивому воспроизведению

жизненной реальности нашло свое воплощение как в сочинениях, основанных на личном опыте, так и в документально-художественных произведениях.

В романе «В круге первом», размышляя о марфинской «шарашке», подобии научно-исследовательского института, где жили и работали отбывающие наказание за политические взгляды «враги народа», писатель вспоминал: «Я там жил три года. Описывать эти три года? Вяло, надо уплотнить. Очевидно, страсть к такому уплотнению сидит и во мне, не только в материале. Я уплотнил там, пишут, четыре дня или даже пять, ничего подобного, там даже нет трех полных суток, от вечера субботы до дня вторника. Мне потом неуютно, если у меня просторно слишком. Да может быть, и привычка к камерной жизни такова. В романе я не могу, если у меня материал слишком свободно располагается» [1, с. 195].

Действие романа охватывает три декабрьских дня 1949 года. Такое нарочитое сжатие временных рамок понадобилось писателю прежде всего для того, чтобы в одном произведении совместить два аспекта жанрового содержания: романический и культурно-исторический. Первый связан с изображением частной жизни, второй призван показать трагичность судьбы нации в критический момент ее развития. На художественном уровне это проявляется в описании частных судеб героев через призму глобальных исторических процессов. Переплетение судеб действующих лиц, быт «шарашки», споры и раздумья о судьбах России, о личном участии каждого в истории страны – все это имеет под собой автобиографическую основу.

Начальнику спецтюрьмы поставлена задача в кратчайшие сроки создать секретную телефонию для руководства страны. Обитателям «шарашки» после невыносимых условий лагерей предлагают определенные послабления режима в обмен на их опыт и профессиональные знания: заключенных не избивают охранники, относительно сносно кормят и во время обысков не отбирают книги. Тем не менее это спецтюрьма, находящаяся в ведении МГБ, и пребывание в ней таит скрытую угрозу духовного выгорания. У каждого из заключенных есть потенциальная возможность получить свободу, «чистый» паспорт и московскую прописку, но для этого необходимо принять условия «игры» начальника учреждения, включиться в решение научной проблемы. Это значит поступиться моральными принципами, забыть о чувстве собственного достоинства и стать заложником системы в обмен на относительно благополучное пребывание в «шарашке». Название романа – это аллегорическое сравнение «шарашки» с кругами ада из «Божественной комедии» Данте. Художественный мир Солженицына – преимущественно мужской мир [7,

с. 239]. Главная трагедия его героев состоит не в лишении их свободы, а в первую очередь в лишении их любви. Разлука заключенных с женами и любимыми, жертвенная готовность на развод, чтобы избежать клейма «жены врага народа» – так глубоко личные чувства оказываются подчиненными сложной логике государственных отношений, вторгающихся в интимные связи между людьми.

Несмотря ни на что, герои Солженицына не утратили главного – человеческого достоинства и душевного равновесия, хотя, как свидетельствовал сам писатель, более половины заключенных попали в спецтюрьму по абсурдным или вовсе сфабрикованным обвинениям. Собирабельный образ российской интеллигенции, интеллектуально одаренной, морально и нравственно непоколебимой, автор называл «устоявшимся ядром» личности [4, с. 113]. Представители власти, являющиеся частью государственной машины, по замыслу автора, лишены индивидуальности. Они объединены в один образ – Шишкин-Мышкин (так арестанты называли между собой сотрудников своего спецучреждения). Писатель подводит нас к парадоксальной мысли о том, что грань между преступниками и праведниками весьма условна.

Изучение творчества Александра Исаевича Солженицына обусловлено масштабом его личности, значением его литературного наследия для общественной мысли России второй половины XX века. Вообще многие события из жизни Солженицына являются не просто фактами личной биографии, а знаками времени. Его творчество принято рассматривать как «возвращенную» русскую литературу. Для современных читателей его произведения стали источником откровений о сложном периоде в истории нашей страны. Публицистические произведения А. И. Солженицына позволяют говорить о нем не только как о писателе, но и как об одном из философов нашего времени.

По мнению автора, основное внимание стоит уделять воспитанию человека как личности. Только личность способна творить и отстаивать добро. Свойствами зрелой личности он считает доброжелательность, нравственность, ответственность, настойчивость. Однако отправной точкой для воспитания личности писатель считает раскаяние, которое в свою очередь создает атмосферу для самоограничения. Только таким тернистым путем, по мнению А. И. Солженицына, человек освобождается от массы материальных и душевных привязанностей, поглощающих его созидательную энергию. Только так он может стать свободным и перейти на более высокий духовный уровень [3, с. 381].

Литературовед-богослов М. М. Дунаев пишет о том, что Солженицын часто все замыкает на нравственности, на духовном уровне. Еще в 80-е годы прошлого столетия Солженицын сформулировал свое понимание того, как в творчестве верующего писателя должны воплощаться постулаты религиозного мировидения: «Все годы я интуитивно избегал прямо говорить о вере: и нескромно, и оскорбляет чуткий слух: не гоже декларировать веру, но дать ей литься беззвучно и неопровержимо». И далее: «Сцепление веры христианина с тоном, приемлемым для современности, никогда не перебор, – тот верный, естественный звук, которым только и допустимо не священнику призвать, повлечь потерявшееся общество к вере» [6, с. 157]. В своей писательской деятельности он неуклонно следует этим принципам. А. И. Солженицын не религиозный проповедник, а художник, поскольку свое мировоззрение он облачает в художественные формы. В этом качестве он одинаково интересен как объект и филологического, и философского исследования.

Творчеству Солженицына, на наш взгляд, присуща глубокая вера, которая помогает ему чувствовать грань между добром и злом в своих размышлениях о судьбах России. Эта удивительная особенность прозы Солженицына, основанная на незыблемых христианских истинах, делает ее актуальной. Анализ христианских мотивов в творчестве А. И. Солженицына позволяет говорить о единстве авторского мировоззрения и его глубоком проникновении в национальные христианские традиции покаяния, мученичества, христианской любви, пресечения зла, прощения и т. д. Мысль об очищении души страданием и о безблагодатности счастливого, благополучного существования проходит через все творчество Солженицына [2, с. 226]. Писатель воспринимает окружающий мир как творение, исполненное глубочайшего смысла, а свою задачу он видит в постижении замысла Создателя, глубинного смысла событий и явлений. В этом заключается специфика солженицынской эстетики. Перед тем как воплотить свой творческий замысел в произведениях писатель досконально изучал изображаемую эпоху. И все же, на наш взгляд, его задачей было не ее историческое исследование, а художественное моделирование. Нередко автор, используя факты из документальных источников, смещал в них акценты или вовсе отступал от них, реализуя свое право на художественный вымысел.

Работа по изучению творческого наследия А. И. Солженицына находится в самом начале пути. Она открывает путь к диалогу с критиками и последователями писателя. В любом случае это определенный этап в осмыслении художественных произведений автора, представляющих собой уникальное национальное достояние.

Литература

1. Андреева-Карлайл О. Солженицын. В круге тайном: [воспоминания] // Вопросы литературы. 1991. № 1. С. 192–225; № 5. С. 171–211.
2. Гаркавенко О. В. Христианские мотивы в романе А. И. Солженицына «Раковый корпус» // Русский роман XX века: Духовный мир и поэтика жанра: сб. науч. тр. / отв. ред., сост. проф. А. И. Ванюков. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. С. 224–229.
3. Котельников В. А. Солженицын Александр Исаевич // Русские писатели. XX век: библиографический словарь: в 2 ч. Ч. 2. М – Я / под ред. Н. Н. Скатова. М., 1998. С. 379–385.
4. Медведев Р. А. Русский вопрос по Солженицыну // Отечественная история. 2002. № 4. С. 100–115.
5. Мусский С. А. Александр Исаевич Солженицын // Сто великих нобелевских лауреатов. М: Вече, 2005. С. 94–100.
6. Рокотян Ю. В. Христианские корни публицистики А. И. Солженицына // Москва. 2005. № 12. С. 154–159.
7. Солженицын Александр Исаевич // Краткая российская энциклопедия / сост. В. М. Карев. М.: Большая Российская энциклопедия. Т. 3. Р – Я. М.: ОНИКС 21 век, 2003. С. 239.